

Д. М. Разливалова

БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ТАНКОВ МС-1 В ПЕРИОД КОНФЛИКТА НА КВЖД¹

В статье рассматривается опыт боевого применения танков МС-1 в ходе советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году. Это первое использование советских танков в боевых условиях рассмотрено как ключевой этап становления бронетанковых сил. Исследуются конкретные эпизоды применения, их тактические результаты, а также выявленные недостатки в конструкции машин и организации взаимодействия с пехотой. Делается вывод о фундаментальной роли полученного опыта для последующего развития отечественной бронетехники и тактики её применения.

Ключевые слова: КВЖД, 1929 год, МС-1, танк, конфликт, Маньчжурия, Чжалаинор, полк, стрелковая дивизия, рота, пехота, бронетехника, машина.

Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году стал знаковым событием в истории советских бронетанковых сил. Именно в этом конфликте впервые было осуществлено боевое применение танков МС-1, что ознаменовало их переход от экспериментальных образцов к полноценным боевым единицам в составе войск. Данные машины использовались в качестве средства поддержки пехоты в условиях сложного дальневосточного театра военных действий. Этот опыт заложил основы для дальнейшей интеграции бронетехники в вооружение Красной армии.

Танк МС-1 (Т-18) представлял собой первую серийную модель советского танка, созданную на базе французского танка Renault FT, чьи базовые тактико-технические параметры определяли его боевые возможности. Основное вооружение машины первой серии включало 37-мм пушку Гочкиса, дополненную 6,5-мм пулемётом Фёдорова, что обеспечивало огневую мощь против пехоты и легкобронированных целей. Бронирование МС-1 достигало до 16 мм, предоставляя защиту от стрелкового оружия и осколков. Максимальная скорость движения составляла 16 км/ч, что было характерно для танков того периода. На танках 2-й серии, выпускавшихся в 1929 году, 6,5-мм спаренный пулемёт системы Фёдорова был заменён одним 7,62-мм пулемётом ДТ-29. Боекомплект к пушке был увеличен с 96 до 104 выстрелов, внесены небольшие изменения в конструкцию лобовой части корпуса. Пушку Гочкиса

¹ Настоящая статья была представлена в виде доклада на межрегиональной научно-практической конференции «VI Студенческие научные чтения памяти профессора Т. Я. Иконниковой» (ТОГУ) 5 декабря 2025 г.

начали заменять на 37-мм пушку ПС-1, изготовленную в СССР и представлявшую собой усовершенствованный П. Сячинтовым вариант пушки Гочкиса. Машины этой серии участвовали в конфликте на КВЖД — именно здесь произошло первое боевое применение танков МС-1.

Стремление правительства Чан Кайши и маньчжурских властей Чжан Сюэляна установить единоличный контроль над стратегически важной Китайско-Восточной железной дорогой привело к возникновению и эскалации конфликта. Нарушив советско-китайское соглашение 1924 года, китайская сторона в июле 1929 года силой захватила магистраль, разгромила советские организации и арестовала тысячи сотрудников. Дипломатические усилия СССР не увенчались успехом, и пограничные провокации переросли в полномасштабный вооружённый конфликт: «На железной дороге начинаются столкновения. Китайская полиция в конце 1928 г. захватила телефонную станцию КВЖД, а в конце мая 1929 г. на Генеральное консульство СССР в Харбине произвели вооружённый налёт. 10–11 июля железнодорожная магистраль уже была захвачена, советское руководство отстранено от должностей, а многие работники арестованы. На границе начались столкновения армий Чжан Сюэляна и РККА. Эти события стали известны как советско-китайский конфликт 1929 г.» [3, с. 13]. В условиях нарастающей напряжённости по железной дороге в 1929 году началась переброска танков на Дальний Восток — была отправлена рота из 10 танков МС-1. Применение машин в этих условиях позволило стабилизировать линию фронта и создать плацдармы для последующих операций.

В начавшейся 17 ноября 1929 года Маньчжуро-Чжалайнорской операции, которой руководил командующий Забайкальской группой войск Особой Дальневосточной армии (ОДВА) С. С. Вострецов, наиболее успешное наступление демонстрировала 36-я стрелковая дивизия, поддержанная танками МС-1 [5, с. 54]. Несмотря на ограниченность сил, спонтанное применение двух танков, отставших от своего подразделения, обеспечило огневую поддержку стрелковой роте, что позволило нейтрализовать систему укреплений противника, используя её ключевой недостаток — наличие непротренируемых пространств. В то же время запланированная атака 107-го стрелкового полка была отсрочена из-за несвоевременного выхода на рубеж основной танковой роты (без двух танков), что свидетельствует о значительных трудностях организации ночного марша в условиях степной местности, лишённой чётких ориентиров. Однако, несмотря на временную задержку, к середине дня танкисты обеспечили 107-му стрелковому полку необходимую

помощь для прорыва обороны, что в совокупности с действиями 108-го Белорецкого стрелкового полка привело к овладению ключевыми высотами на данном участке фронта [2].

На следующий день в ходе боевых действий у сопок Мать и Дочь, а также при штурме Чжалайнора танки МС-1 применялись для непосредственной поддержки пехоты 108-го Белорецкого полка, действовавшего совместно с 5-й Кубанской кавалерийской бригадой. Несмотря на ограниченную проходимость, которая изначально ослаблялась полевыми укреплениями противника (противотанковый ров), после его частичного разрушения танки смогли прорваться на китайские позиции. Машины, уничтожая окопы пулемётным огнём, оказывали мощный деморализующий эффект на врага и решающим образом ускорили продвижение стрелковых частей ОДВА, которая закрепила достигнутый успех, взяв город Чжалайнор [4].

Эпизод штурма укрепрайона станции Маньчжурия 19 ноября 1929 года, когда для компенсации недостатка артиллерийской поддержки 108-го стрелкового полка в бой было введено семь танков МС-1, стал показательным случаем ошибочного применения бронетехники. Отсутствие должной координации с пехотными подразделениями и предварительной тактической разведки местности привело к потере темпа атаки и существенным небоевым потерям. Как следствие, материальная часть понесла значительный урон: один танк был уничтожен гранатами на подступах к позициям противника, второй провалился в окоп и застрял в нём, а третий вышел из строя, потеряв гусеницу при переправе через канаву [4].

Как вспоминал участник конфликта на КВЖД А. П. Белобородов, Маньчжуро-Чжалайнорская операция была построена на использовании слабости фланговой группировки противника у Чжалайнора: «основную группировку генерал Лян Чжунцзян выдвинул прямо к границе, а фланг у Чжалайнора прикрыл более слабыми силами. Это обстоятельство и учёл командующий Забайкальской группой войск Степан Сергеевич Вострецов». В соответствии с этим удар 35-й и 36-й стрелковых дивизий и 5-й кавбригады был нанесён на Чжалайнор с целью «перерезать железную дорогу, обойти с тыла главные силы противника в городе Маньчжурия и во взаимодействии с другими войсками Забайкальской группы окружить их». В ходе наступления ключевым стал манёвр 9-й роты 107-го полка, которую после гибели командира возглавил политрук А. П. Белобородов: «Осмотрелся я на местности, увидел слева лощину, приказал двигаться по ней... она вывела нас... к железному мосту», что позволило внезапно захватить важный объект в

тылу и отрезать путь для отхода. Итогом операции стала полная капитуляция группировки противника после ультиматума С. С. Вострецова: «Никаких условий. Капитуляция — вот и все условия», в результате которой было взято в плен более восьми тысяч солдат и офицеров [1].

Один из наиболее ярких моментов, демонстрирующих как потенциал, так и ограниченность боевого применения танков МС-1 в период конфликта на КВЖД, можно найти в воспоминаниях военачальника В. И. Чуйкова, находившегося в тот момент на наблюдательном пункте. Как отмечал командующий, эффект появления танков был поразительным для обеих сторон: «Мы видели, как китайские солдаты и офицеры высунулись почти в полроста из окопов, чтобы разглядеть танки... Красноармейцы не успевали наступать за танками, а некоторые как зачарованные смотрели на двигавшиеся стальные черепахи, изрыгавшие огонь» [5, с. 55]. Этот эпизод, по словам Чуйкова, наглядно демонстрировал низкую осведомлённость личного состава о новом виде вооружений: «Крестьянские парни, служившие в армии, знали о танках только понаслышке» [5, с. 55]. Несмотря на тактический успех, а именно прорыв обороны «без каких-либо потерь с нашей стороны», командование столкнулось с отсутствием отработанного взаимодействия родов войск. «При налаженном взаимодействии танков с пехотой мы могли бы молниеносно развить успех. Однако и наши части не ожидали такого эффекта», — вспоминал Василий Иванович, указывая на то, что технологическое превосходство не было подкреплено соответствующими оперативными доктринаами, что в итоге ограничило глубину прорыва [5, с. 55].

Серьёзным препятствием для применения бронетехники стал и сам характер местности. Район боевых действий на КВЖД характеризовался открытой и однообразной местностью, сложной для ориентирования, а восточная часть, долина между рекой Аргунь и Мутной протокой, после дождей и последовавших 20-градусных морозов превратилась в сплошное ледяное поле. Противник создал оборону глубиной до пяти километров, включавшую противотанковые рвы, минные поля и мощные фортификационные сооружения в районах Чжалайнор и Маньчжурия, рассчитанные на изматывание атакующих. Однако, несмотря на эти условия, трёхсуточные бои в условиях забайкальских морозов продемонстрировали удивительные эксплуатационные качества танков МС-1 [2].

В ходе участия танков МС-1 в конфликте была на практике проверена их эффективность для поддержки пехоты при штурме укреплённых позиций. Как отмечалось в отчётах, танки продемонстрировали не только

тактические возможности по подавлению огневых точек, но и значительное психологическое воздействие. Об этом наглядно свидетельствует донесение командира 108-го Белорецкого стрелкового полка Александра Николаевича Соловьёва: «Своими действиями танки оказывали большую моральную поддержку бойцам и своим огнём и видом вносили полную деморализацию в ряды противника... В очистке блиндажей во многом помогли те же танки — двумя-тремя выстрелами в упор внутрь блиндажа, прекращая всякое сопротивление противника» [2].

Опыт применения МС-1 в период конфликта на Китайско-Восточной железной дороге в 1929 году выявил также ряд существенных конструктивных и тактических недостатков. Боевая эффективность машин была ограничена несовершенством диоптрического прицела, обеспечивавшего прицельную стрельбу лишь на дистанциях до 750–800 метров, что обусловило требование к повышению могущества действия снаряда. Кроме того, тактика противника, заключавшаяся в пропуске танков на предельно близкое расстояние с последующим огнём в упор и забрасыванием ручными гранатами, наглядно продемонстрировала уязвимость бронетехники и настоятельную необходимость усиления её защиты и повышения подвижности. Полученные уроки были частично реализованы в модернизированном танке образца 1930 года [2]. В ходе преобразований масса машины увеличилась с 5,5 до 5,9 тонны, была улучшена ходовая часть и ряд механизмов: внедрены новые литые ведущие колёса, специальные уплотнения подшипников катков, четырёхступенчатая коробка передач, а также многодисковый фрикцион, работающий в масле. Танки стали оснащаться более эффективной гусеницей из литых траков типа «орлиный коготь», что улучшило проходимость, особенно на мягком грунте. При этом удлинитель («хвост») в кормовой части корпуса был демонтирован. Двигатель танка был усовершенствован, и его мощность увеличилась с 35 до 40 лошадиных сил. Благодаря этому выросли максимальная скорость машины до 22 км/ч и запас хода до 120 километров. Боекомплект орудия увеличили со 104 до 109 выстрелов, а боекомплект пулемёта составил 3000 патронов. Конфликт на КВЖД стал катализатором для организационного развития бронетанковых сил, выраженного в формировании в мае 1930 года первой механизированной бригады под командованием Ф. П. Судакова.

Таким образом, боевое применение танков МС-1 в ходе событий на КВЖД в 1929 году стало ключевым этапом в становлении советских бронетанковых сил. Конфликт носил характер полевых испытаний, в ходе которых первая серийная машина РККА доказала свою эффективность как средство

поддержки пехоты при прорыве укреплённых позиций, оказывая не только огневое, но и мощное деморализующее воздействие на противника.

Однако боевое крещение выявило и целый комплекс системных проблем. Были обнаружены серьёзные конструктивные недостатки, такие как несовершенство прицельных приспособлений и ограниченная подвижность. На тактическом уровне проявилось отсутствие отработанных методов взаимодействия танков с пехотой и другими родами войск. Пехота, не имевшая опыта совместных действий с бронетехникой, не использовала тактическое преимущество, создаваемое танками, и зачастую не успевала за их продвижением. Отсутствие чёткой связи и координации привело к потерям и снижению эффективности атак, как это произошло при штурме станции Маньчжурия. Опыт конфликта на КВЖД наглядно продемонстрировал, что технологическое превосходство бесполезно без соответствующих оперативных доктрин и грамотной тактической организации.

Полученные в ходе столкновений уроки оказали непосредственное влияние на дальнейшее развитие отечественной бронетехники, стимулировав как модернизацию самого танка (МС-1 обр. 1930 г.), так и ускорение организационного оформления бронетанковых войск в виде создания первых крупных механизированных соединений. Таким образом, опыт конфликта на КВЖД в значительной степени повлиял на формирование тактики использования танков при проведении наступательных операций, которая была разработана в 1930-е годы и в дальнейшем дополнена опытом боёв у озера Хасан (1938 г.) и реки Халхин-Гол (1939 г.), а также советско-финской войны (1939–1940 гг.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белобородов, А. П. Прорыв на Харбин / А. П. Белобородов ; [лит. запись Н. С. Винокурова]. — Москва : Воениздат, 1982. — 208 с. — URL: <https://militera.lib.ru/memo/russian/beloborodov/01.html> (дата обращения: 04.12.2025). — Текст : электронный.
2. Бескурников, А. Первый серийный танк малый сопровождения МС-1 / А. Бескурников. — Москва : Арсенал-пресс, 1992. — 31 с. — URL: https://armor.photos/Tanks/BeforeWWII/MS1/T18/t18_1.php#battle (дата обращения: 29.11.2025). — Текст : электронный.
3. Родионова, К. И. Харбин. Вера и отчуждение : христианские меньшинства российской диаспоры Северо-Восточного Китая / К. И. Родионова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — 266, [1] с.

Краеведение

4. Свирин, М. Первые советские танки / М. Свирин, А. Бескурников. — Москва : Армада, 1995. — 64 с.

5. Чуйков, В. И. О конфликте на КВЖД / В. И. Чуйков // Военно-исторический журнал. — 1976. — № 7. — С. 53–56.

Научный руководитель: Сливко Станислав Вадимович, заведующий информационно-библиографическим отделом Дальневосточной государственной научной библиотеки, кандидат исторических наук (Хабаровск).